

0386

HARLEQUIN®

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

Триш Мори

ВСЕ ОЧЕНЬ ПРОСТО

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Триш Мори
Все очень просто

«Центрполиграф»

2013

Мори Т.

Все очень просто / Т. Мори — «Центрполиграф»,
2013 — (Любовный роман – Harlequin)

Валентина Хендерсон живет с отцом на австралийской ферме, пытаясь забыть события трехлетней давности – роковую встречу в Венеции с Лукой Барбариго и последовавшую за этим трагедию. Но жизнь не дает ей забвения. Из Венеции звонит мать Валентины и отчаянно умоляет дочь приехать и спасти ее от разорения...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	12
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Триш Мори

Все очень просто

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Bartering Her Innocence

© 2013 by Trish Morey

«Все очень просто»

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Последний раз, когда Тина Хендерсон видела Луку Барбариго, он был голым. Бессовестно голым... Образец идеального мужчины, если не принимать в расчет красный след от ладони на его щеке.

А что произошло дальше...

О боже... Тина не хотела ничего помнить.

Она, должно быть, ослышалась. Неужели ее мать имела в виду именно этого человека? Жизнь не может быть так жестока! Тина сильнее сжала трубку во вспотевшей руке:

– Кто? Повтори, про кого ты сказала?

– Валентина, ты меня слушаешь? Я должна решить одну проблему, касающуюся Луки Барбариго. Ты должна встретиться и поговорить с ним.

Мать требует от нее невозможного! Тина решила больше не видеться с ним!

– Валентина! Ты должна приехать. Ты нужна мне здесь, сейчас же!

Тина пыталась выкинуть из головы мысли о той бесподобной ночи. Мысли о том, как он голым поднимается с кровати... Она вновь увидела его длинные ноги, мощную спину – это тело можно было бы вырубить в мраморе, вплоть до ямочек у основания позвоночника...

А затем... Целая симфония эмоций и гнева, тоски и отчаяния...

Тина сжала пальцы еще сильнее, стараясь остановить тупую боль, пытаясь превратить шок в гнев. И она злилась не только из-за того, что случилось в прошлом.

Как же это типично для ее матери! Первый раз за год она сама позвонила дочери. Но не ради того, чтобы поздравить ее с днем рождения, как наивно ожидала Тина. Лили что-то понадобилось... Лили никогда не звонила просто так. И теперь она почему-то уверена – Тина бросит все и вылетит в Венецию ради общения с Лукой Барбариго.

Ну уж нет!

Кроме того, это просто невозможно! Венеция находится слишком далеко от семейной фермы в Австралии, где Тина сейчас. Нет, какими бы ни были разногласия между ее мамой и Лукой Барбариго, пусть разбирается сама.

– Мне очень жаль, – начала она, бросив обнадеживающий взгляд отцу – мол, все под контролем. Звонок от Лили всегда всех настораживал. – Но я никак не могу.

– Но ты должна что-то сделать! – Ее мать закричала в телефон так громко, что Тине пришлось убрать трубку от уха. – Он угрожает вышвырнуть меня из моего дома! Неужели ты не понимаешь? Ты должна приехать!

Предыдущие фразы были сказаны на французском, несмотря на английское происхождение Лили д'Арвенкорт Бэчамп. Мать часто использовала французский, когда хотела казаться более страстной и убедительной. Сколько Тина знала Лили, та почти всегда разыгрывала мелодраму.

Выслушивая тираду бесконечных упреков, Тина закатила глаза. Она устала от разговора с матерью. Весь день Тина помогала отцу подготавливать овец к стрижке, а в раковине ее ждала гора грязной посуды. Кроме того, ей надо было разобраться с кучей счетов, которые должны быть оплачены до ее завтрашней поездки в город.

Тина всегда ненавидела встречи с банковским менеджером. Ее раздражал дисбаланс, ощущение того, что она оказалась в невыгодном положении с самого начала.

Хотя менеджер банка был далеко не первой ее проблемой...

Отец Тины положил бухгалтерскую книгу на подлокотник кресла, где сидел, притворяясь, будто просматривает счета, и бросил ей сочувственную улыбку. Затем он встал и исчез в большой деревенской кухне. Он так и не оказал дочери никакой помощи.

Он ушел от Лили почти двадцать пять лет назад. Возможно, брак их не был долгим, но, учитывая характер ее матери, Тина считала: и так продержались достаточно.

Зашумели старые трубы, и Тина поняла: отец открыл кран. Потом она услышала, как он поставил чайник на плиту.

А мать на другом конце провода все никак не могла успокоиться.

– Хорошо, – выдавила Тина и услышала, как мать облегченно вздохнула. – Ну и почему ты решила, будто Лука Барбаригго хочет выгнать тебя из палаццо? Он ведь племянник Эдуардо, в конце концов! Зачем ему угрожать тебе? И на английском языке, пожалуйста! Ты же знаешь, мой французский оставляет желать лучшего.

– Ты должна проводить больше времени на континенте, – ругала Тину мать, обиравшись теперь уже на дочь и забыв на время о Луке, – а не хоронить себя в австралийской глуши!

– Едва ли Джуни можно считать глушью, – заспорила Тина. Она любила небольшой городок в Новом Южном Уэльсе. К тому же отсюда можно было добраться до Канберры за два часа. И она не «похоронила» себя здесь, а скорее отстранилась от того мира, частью которого больше не хотела быть. – Город вполне современный. Ходят слухи, здесь будут строить новую площадку для боулинга.

Повисло молчание. Тина представила себе сжатые губы матери и обиженное выражение лица. Ну как же! Ее дочь не способна понять: городу, чтобы считаться современным, необходимо как минимум шесть-семь театров, желательно старых, с традициями.

– В любом случае ты так и не объяснила, что случилось. Почему Лука Барбаригго угрожает выгнать тебя? Разве у него есть над тобой какая-то власть? Эдуардо оставил тебе палаццо, ведь так?

Мать внезапно притихла. Тина теперь могла слышать тиканье часов и то, как отец со скрипом открыл дверь, а затем захлопнул ее и вышел на улицу.

– Ну, – подавленно произнесла мать, – я заняла у него денег...

– Что ты сделала?!

Тина поморщилась. Лука Барбаригго имел репутацию человека, к которому нельзя было обращаться с подобными просьбами. Именно на этом он и сколотил свое состояние. Она сглотнула. Почему из всех людей, у которых ее мать могла занять деньги, среди всех своих знакомых она выбрала именно Барбаригго?

– У меня не было выбора! – заявила Лили. – Мне необходимы были деньги, я и подумала, что Лука мне поможет. Он же обещал помогать!

Да, Лука помог ей, но при этом не упустил возможности совершить выгодную сделку.

– На что он дал тебе эти деньги?

– На жизнь, конечно! Ты же знаешь, Эдуардо оставил меня с малой долей того состояния, что у него было.

«И ты так и не простила его за это», – усмехнулась про себя Тина.

– То есть ты заняла деньги у Луки Барбаригго, а теперь он хочет, чтобы ты вернула долг?

– Если я не верну ему деньги, он заберет палаццо.

И о какой сумме идет речь? – Тина почувствовала нарастающее давление в висках. Многовековое палаццо наверняка стоит миллионы.

– Боже мой, за кого ты меня принимаешь? Почему ты вообще спрашиваешь?

Тина потерла лоб:

– Хорошо. Тогда как он может забрать у тебя палаццо?

– Именно для этого ты мне и нужна! Ты сможешь заставить Луку понять, насколько безосновательны его требования.

– Уверена, ты знаешь много людей в Венеции, которые могли бы тебе помочь.

– Но он же твой друг!

По спине Тины поползли мурашки. Вряд ли их можно считать друзьями. В ее голове всплыли болезненные воспоминания.

Она видела Луку всего три раза в жизни. Первый раз – в Венеции на свадьбе матери, где Тина слушала его волнующие слова, а когда он коснулся ее руки, почувствовала невероятное влечение. В тот момент она решила: Лука и есть тот прекрасный, красивый и богатый человек, которого ее мать изо всех сил старалась заманить в свои сети. И когда Лука предложил Тине провести ночь вместе, она отказала.

Второй раз она увидела его на семидесятилетии Эдуардо, где они всего лишь обменялись любезностями. Конечно, Тина чувствовала, что мысленно Лука ее раздевает, но он держался на расстоянии, и Тина отметила, как это ее заводит. Лука тоже это понимал...

Третья их встреча произошла на вечеринке в Клостерс. Тина пришла туда на день рождения друга. Она выпила слишком много шампанского... Лука был очень привлекательный, милый и забавный. Он отвел ее в сторону и поцеловал. И чувство самосохранения Тины в момент испарилось.

Одну ночь они провели вместе...

Эта ночь закончилась катастрофой и мучениями, которые Тина никогда не забудет. Но Тина никогда не поделится этим с матерью!

– Кто сказал, что мы друзья?

– Лука, конечно. Он расспрашивал о тебе.

Ублюдок! Как будто ему интересно! Его никогда это не заботило.

– Он врет, – сказала Тина. – Мы никогда не были друзьями.

Никогда не были, никогда и не могли быть!

– Ну, – сказала мать, – может быть, это даже лучший вариант, учитывая обстоятельства? Тогда тебе нечего терять, вмешиваясь в ситуацию от моего имени.

Тина приложила руку ко лбу.

– Мама, я не знаю, чем могу помочь. Мое присутствие никак не решит твою проблему. Кроме того, я не могу все бросить. Мы уже начинаем стричь овец, и я нужна папе. Тебе же лучше нанять адвоката...

– И как, ты думаешь, я буду оплачивать его услуги?

Тина слышала, как хлопнула задняя дверь и отец пробормотал очередное проклятие.

Она покачала головой:

– Я действительно не знаю. Может быть... Может быть, ты могла бы продать одну или две из твоих люстр? – Последний раз, когда Тина гостила у матери, люстр хватило бы еще на десяток таких палаток.

– Продать мое муранское стекло?! Ты с ума сошла! Оно незаменимо! Оно особенное!

– Хорошо, Лили, – пожала плечами Тина, – это было просто предложение. Не знаю, что еще придумать. Прости, у тебя финансовые проблемы, но я ничем не смогу помочь. И я должна идти. Нужно готовить овец к завтрашней стрижке.

– Но ты должна приехать, Валентина! Ты должна!

Тина положила трубку, колющая боль у нее в голове уже превращалась в пульсирующую.

Почему именно сейчас? Почему он? Вполне вероятно, ее мать преувеличила серьезность проблемы с деньгами, она всегда делала из мухи слона... А что, если в этот раз все действительно серьезно? И чем она может помочь? Вряд ли Лука Барбариги станет ее слушать. «Старые друзья», сказала Лили? Во что Лука играет? Корабли, разбившиеся в ночи, – это ближе к истине...

– Дорогая, я так понимаю, твоя мать звонила не для того, чтобы поздравить тебя с днем рождения? – Отец стоял в дверном проеме, держа в руках две кружки кофе.

Тина улыбнулась, несмотря на тяжесть в сердце и боль в животе:

– Неужели могло быть иначе?

Он протянул одну из кружек:

– Хочешь кофе? Или, может быть, чего-нибудь покрепче?

– Спасибо, пап. – Она взяла кружку.

– Что за беда у Лили на этот раз? Небо упало? Каналы пересохли? – Отец сделал глоток и вздохнул.

Тина заставила себя улыбнуться:

– Что-то вроде этого. Судя по всему, у нее пытаются отнять палаццо. Кажется, она заняла деньги у племянника Эдуардо. И, как ни странно, теперь он хочет их обратно. Лили считает, я могу поговорить с ним и решить все на более выгодных условиях.

– А ты не можешь?

Тина махнула рукой, жалея, что не может так же легко отмахнуться от воспоминаний. Как бы она хотела все забыть...

– Скажем так, я знаю этого мужчину. Я посоветовала маме нанять адвоката.

Папа кивнул, разглядывая свой кофе. Тина шагнула к раковине, когда ее отец спросил:

– Когда ты уезжаешь?

– Я не могу уехать и бросить тебя, особенно сейчас, когда мы должны готовиться к стрижке овец.

– Я пойму, если это действительно нужно.

– Рабочие придут уже завтра. Кто будет их кормить?

Он пожал плечами, слегка улыбнулся:

– Ну, поеду в город и найду того, кто умеет стряпать. Я слышал, Дейдра Тернер умеет готовить вкусное жаркое. И она не упустит возможности повилить попкой перед благодарной аудиторией. – Он перестал улыбаться, янтарные глаза выражали серьезность. – Я уже большой мальчик, Тина, справлюсь сам.

Обычно Тина радовалась, когда отец вспоминал другую женщину. Она уже много лет говорила отцу – ему пора жениться снова.

– Ты не должен заниматься всем в одиночку! Да и зачем тратить на перелет в Европу, на зарплату стряпухе, когда мы и так в немилости у руководства банка? К тому же мы знаем Лили. Вспомни, какую истерику она закатила насчет своих пятидесяти лет! Наверняка она опять раздула из мухи слона!

Ее отец кивнул, словно понял. Конечно же кто, как не отец, поймет ее! Разве не он был женат на этой женщине? Он больше, чем кто-либо, знал: Лили своими истериками может вынудить окружающих сделать для нее все, что угодно.

– Тина, – сказал он, поглаживая щетину. – Может, все-таки стоит поехать?

– Пап, я ведь только что объясняла...

– Нет, ты просто придумала повод не ехать.

Тина расправила плечи и задрала подбородок.

Может, это и был лишь повод. Если бы отец знал правду, он бы перестал настаивать на поездке. Но как она могла сказать ему то, что держала в секрете так долго? Ее позорную тайну. Правда убьет его.

– Почему ты так хочешь отправить меня на другую сторону света? Ты никогда не интересовался проблемами Лили.

Он обнял Тину, прижал к себе:

– Кто сказал, что я хочу этого? Но она все же твоя мама, дорогая. И, что бы ни произошло между вами, она не перестанет быть твоей мамой. – Отец поставил кружку. – А что ты говорила про новый боулинг в нашем городе? Я не слышал об этом...

Она выхватила кухонное полотенце из рук отца. У него куча своих дел, которые нужно закончить к вечеру.

– Насчет боулинга? – Тина подтолкнула отца к двери. – Понятия не имею.

– Твоя мама не узнает, кто тебя уговорил приехать к ней. – Он громко рассмеялся.
– Пап, я не поеду!
– Поедешь. Мы можем узнать расписание рейсов, когда будем в городе. – Он обнял Тину и поцеловал: – Дорогая, спокойной ночи.

Тина думала о словах отца. Сколько же она не виделась с матерью? Может, отец прав? Даже если бы она никогда не видела свою мать, не любила, наверное, и тогда не смогла бы ее игнорировать. Точно так же, как не смогла бы игнорировать Луку Барбариго.

Сейчас она была в бегах. Ей пришлось сбежать на другую половину планеты, чтобы забыть свою самую большую ошибку. Тина убежала бы еще дальше, если бы могла. Но от своих ошибок невозможно убежать. Эти ошибки будут преследовать тебя всю твою жизнь, чтобы настигнуть в самый неожиданный момент...

Она вынула затычку из раковины и смотрела, как пенится, убегая в слив, вода. Пена была похожа на цвет тех железных кружев, которыми оформляют могилы на кладбище в Сиднее. Слезы капнули в раковину, смешиваясь с пеной, превращаясь в кружево из перламутровых пузырьков, переливающихся на свету. Тина вытерла щеки, отказываясь жалеть саму себя и чувствуя наполняющую ее решимость.

Почему она должна так бояться снова встретиться с Лукой? Он ничего для нее не значит. Они просто провели вместе ночь, закончившуюся плачевно. И раз Лука Барбариго угрожает ее матери, может, Тина сможет противостоять ему? Конечно, если Лука снова не очарует ее...

Но это не случится во второй раз! Тина не настолько глупа!

Глава 2

Лука стоял на затемненном балконе с видом на Гранд-канал, взбудораженный новостью.

Валентина прилетит из Австралии, чтобы спасти Лили! Спасти свою мать, вытащив из лап злобного банкира. Благородный поступок. Как раз на это он и рассчитывал. Его губы расплылись в улыбке. Как удачно все сложилось! Ее мать была прожигательницей жизни с острой потребностью в деньгах. Жаль, Лили не удосужилась ознакомиться с условиями их договора более внимательно. Она наивно рассчитывала, что свадьба с его дядей даст ей право на особое отношение. Особое отношение? Как же! Лили попала в его ловушку, а теперь вот-вот лишится палатцу.

Водное такси проплыло мимо, в темноте ночи отчетливо были видны гладкие линии полированной древесины и белая рубашка водителя, через несколько секунд такси скрылось в одном из боковых каналов.

Лука устался на рябь, вившуюся за лодкой в темноте канала. Он разглядывал ночное небо, считая часы до встречи с Тиной, представляя, как она летит в самолете, не спит, потому что знает: он ждет ее.

Ожидание...

Он улыбнулся, лелея чувство приятного ожидания. Очень приятного...

Лука не был игроком. Случайная удача – для лохов. Он же всегда четко рассчитывал вероятность, учитывал все детали и факты, ничего не оставляя на волю случая. Удачей он считал ситуацию, когда отличная подготовка совмещалась с широкими возможностями. Семена первого и второго были посеяны, пришло время собирать урожай.

Когда-то палатцу принадлежало его дяде, но потом эта женщина пронзила дядю своими стальными когтями и крепко привязала к себе. Впрочем, удовлетворение от возвращения палатцу в семью уже не возбуждало Луку. Потому что у Лили Бэчамп было нечто гораздо более ценное, чего он желал больше всего на свете.

Ее драгоценная дочь...

И эта дочь бросила его когда-то. Оставила яркий отпечаток своей ладони на его щеке и ушла, как будто придерживалась высоких моральных принципов. Тогда Лука отпустил ее. Скатертью дорожка!

Он уже выкинул Тину из головы, но тут ее мать позвонила ему с просьбой о финансовой помощи. И Лука вспомнил Тину, их совместную ночь... Он только рад помочь. Это было меньшее, что он мог сделать для вдовы своего дяди. Лука согласился, понимая, что это поможет ему восстановить справедливость.

Так что теперь судьба предлагает Луке шанс исправить две ошибки. И нажиться на этом. Не только с расточительной вдовой, но и с женщиной, которая думала, будто она другая, лучше остальных. Лука покажет ей – она вообще не отличается от своей матери. Он покажет Тине – никто так просто не уходит от него...

А потом публично и без объяснений бросит ее.

Глава 3

«Прибытие в Венецию, – думала Тина, – похоже на прощание с реальной жизнью и на встречу со сказкой». Оживленная площадь, где она ждала, пока ее багаж выгрузят из автобуса, была совершенно не похожа на реальный мир, который Тина оставила позади. Мир, где здания стояли на твердой земле и транспорт был с колесами. И все-таки мосты, которые виднелись с площади, манили ее в мир сказки. Действительно красиво...

Она взглянула на ряды окон с видом на каналы, и они показались ей слишком таинственными, полными секретов, темных намерений...

Тина вздрогнула, занервничала, внезапно почувствовав себя уязвимой. Почему она подумала об этом?

«Потому что Лука там», – рассудила она.

Она изучала здания, выстроившиеся вдоль канала. Лука был там, за окном, где-то в этом древнем городе. И он ждал Тину...

Боже, как она устала! Тина вздохнула и сняла рюкзак с плеча. «Забудь о плохих снах, – сказала она себе. – Забудь о сказках. Просто думай о том, что скоро вернешься домой». Это был бы достаточно счастливый конец истории.

Тина встала в очередь на остановке, чтобы купить билет на водный трамвайчик. Трех дней должно хватить, чтобы разобраться в том, в чем ее мать не может разобраться сама. Тина договорилась с отцом, что вернется домой на ферму, как только проблема начнет разрешаться. Она не планировала оставаться дольше. И если повезет, Тина разберется с финансами матери и вернется в Австралию до того, как Лука узнает о ее приезде.

Тина вздохнула, но этот звук растворился в толпе туристов с камерами, укладывающих багаж в качающееся на воде судно. Туристы старались пробраться на самый нос, готовя фотоаппараты и камеры, чтобы запечатлеть свое путешествие по каналам Венеции. Тина же устроилась под навесом, забилась в уголок, откуда ее не было видно.

Здесь, в Венеции, где в каждом втором темноволосом мужчине Тина видела Луку, ей хотелось исчезнуть, стать невидимой. Она вздрогнула и застегнула молнию на куртке.

Просто нужно выспаться, вот и все! Остановки в Куала-Лумпуре и Амстердаме превратили двадцатичасовой перелет в более чем тридцатичасовой. Она бы чувствовала себя намного лучше после душа и хорошего ужина.

Водный трамвайчик, покачиваясь, подплыл к остановке и застыл перед плавучей платформой с ожидающими новыми пассажирами. Двери судна открылись, и куча народу ввалилась внутрь.

«Три дня», – твердо сказала себе Тина. Она найдет в себе силы встретиться с Лукой, потому что скоро уедет домой. Через три коротких дня.

Речной трамвайчик тяжело повернул налево на канал Каннареджо. Тина взяла свой рюкзак из кучи багажа в углу. Вытянув шею, она увидела дом матери, расположенный между двумя благоустроенными зданиями цвета взбитых сливок.

Судно приблизилось к многовековым палаццо. Когда-то прекрасный, дом матери выглядел хуже, чем помнила Тина. Теплый терракотовый оттенок исчез, штукатурка отвалилась почти на всем первом этаже, обнажив древнюю кирпичную кладку грязно-желтого цвета. Тина вздрогнула, взглянув на некогда парадный вход, теперь выглядевший очень неопрятно. Даже цветочные горшки, когда-то смотревшиеся ярко и красиво, висели пустые.

Туристы повернули свои камеры в другую сторону в поисках чего-то более впечатляющего, например старой башни с часами или гондолы с поющим гондольером. Тине стало стыдно за дом ее матери, столь недостойный своего окружения. На что Лили могла потратить

занятые деньги? Она сказала, что потратила их «на жизнь». Очевидно, в это понятие не входил ремонт палаццо.

Тина вышла на следующей остановке. Палаццо могло похвастаться своим собственным спуском к воде, но, как и у многих зданий, выходящих фасадом на каналы, пешеходный вход располагался сзади, в маленьком переулке. Чтобы попасть в дом, надо было пройти через декоративные железные ворота.

На мгновение Тина решила, что нашла нужные ворота, но неопытно ползущий по стене плющ заставил ее подумать, что она ошиблась. Заглянув за решетку, Тина поняла, почему все здесь выглядело так непривычно. Она помнила задний двор ухоженным, газоны подстриженными, кусты красиво оформленными. Но теперь сад был словно забытым, живые изгороди, похоже, никто не обрезал уже в течение нескольких месяцев. Два горшка с яркими цветами надо львами, сторожившими двери, смотрелись нелепо – будто кто-то сделал все же над собой небольшое усилие.

«О, Лили, – думала Тина, глядя вокруг, вспоминая, каким этот садик когда-то был. – Что же такое произошло? Почему ты перестала ухаживать за домом?»

Никакого замка на воротах не было, и Тина поняла почему. Ворота, покрывшиеся ржавчиной, громко заскрипели, когда она попыталась их открыть. Подобный звук, несомненно, отпугнет любого потенциального вора.

Но металлического скрипа было недостаточно, чтобы заставить ее мать выйти. Зато Кармела, экономка, его слышала. Она заспешила из дома, на ходу вытирая руки о передник. Кармела, которую Тина видела лишь пару раз, теперь приветствовала ее с улыбкой, настолько широкой, будто собственная дочь вернулась домой.

– Валентина, дорогая! Вы приехали! – Кармела обхватила ладонями лицо Тины и поцеловала в каждую щеку, а затем хлопнула по спине. – А теперь, пожалуйста... – сказала экономка, забирая рюкзак из рук гостьи. – Я возьму это. Как хорошо, что вы приехали. – Вдруг она нахмурилась, ее лицо стало серьезным. – Ваша мать нуждается в вас. Пойдемте, я отведу к ней.

Затем Кармела снова улыбнулась и повела Тину в дом, говоря без остановки на смеси английского и итальянского языков. И Тина, которая была как на иголках весь полет, наконец смогла найти в себе силы улыбнуться.

Тина вошла за Кармелой в палаццо. Здесь было темно и прохладно – по сравнению с солнечным теплым днем на улице. Матери все еще не было видно. Глаза понемногу привыкли к полумраку. Какое-то количество света, казалось, отражалось от окружающих их предметов. Вспомнив страсть своей матери, она поняла: это ее любимое стекло. Только, казалось, его стало намного больше, чем в прошлый раз.

Три массивные люстры висели под потолком в коридоре, который тянулся через все здание. Зеркала, обрамленные стеклянной мозаикой, отражали свет на стенах, и из-за этого пространство вокруг словно увеличивалось. Тина старалась идти по центру коридора, чтобы случайно не задеть столы, стоящие вдоль стен, заваленные различными предметами искусства. Она попыталась вспомнить, как этот коридор выглядел в прошлый раз. Менее загроможденным, это точно.

Кармела отвела ее на кухню, в которой божественно пахло кофе, свежее испеченным хлебом и чем-то ароматным из духовки. Здесь, заметила Тина с облегчением, не было никакого стекла. Кухня была территорией Кармелы, и ничего, кроме функциональности, в ней не приветствовалось.

Пожилая женщина положила рюкзак Тины и обернула свой передник вокруг ручки кастрюли.

– Я думаю, вы проголодались, – сказала она, ставя горячую кастрюлю с ризотто на подставку.

Экономка отрезала два толстых куса свежее испеченного хлеба и достала салат из холодильника. После еды, что давали в самолете, это было похоже на пир.

– Смотрится великолепно, – сказала Тина, опускаясь на стул. – А где Лили?

– Ей нужно сделать несколько звонков, – сказала Кармела, и неодобрение звучало в ее голосе. Экономка накладывала в тарелку ароматное грибное ризотто, посыпая тертым пармезаном. – Вероятно, очень срочных.

– Это нормально, – сказала Тина, не удивившись. Конечно, ее мать не видела ничего плохого в том, чтобы заставить дочь ждать, – и это после того, как сама потребовала немедленно приехать! – Мне необходим перерыв, и я так голодна!

– Тогда ешьте и наслаждайтесь.

Ризотто было райским: кремовым, нежным, с правильным количеством начинки. Тина растягивала удовольствие.

– Что случилось с садом, Кармела? – спросила Тина, наевшись и беря чашку с эспрессо. – Он выглядит так запущенно.

Экономка кивнула, села на стул и тоже взяла чашку.

– Синьора уже не могла позволить себе платить зарплату людям. Она уволила садовника, а затем секретаря. Я стараюсь понемногу ухаживать за садом, но это не так просто...

– А вам она платит?

– Да, когда может... Но она обещала выплатить недостачу.

– Ах, Кармела, это неправильно! Почему вы остались? Вы могли бы получить работу в любом доме Венеции!

– И бросить вашу мать? – Пожилая женщина допила свой кофе и похлопала Тину по руке, когда та встала, чтобы собрать чашки и тарелки. – Мои потребности невелики. У меня есть крыша над головой, и этого мне достаточно. Однажды – кто знает? – может, судьба вашей матери изменится...

– Как? Неужели она снова собирается выйти замуж?

Кармела просто улыбнулась, не комментируя. Все, кто знал Лили, понимали: каждый из ее браков, кроме первого, заключался только ради денег. Вот только с Эдуардо вышла осечка...

– Я имела в виду – вы сейчас находитесь здесь.

Тина уже собиралась ответить, когда послышались шаги и приближающийся голос матери:

– Кармела, мне кажется, я слышала голоса... – Лили появилась в дверях. – О, Валентина, ты приехала! Я только что говорила с твоим отцом. Я бы сказала ему, что ты уже здесь, если бы знала.

Тина встала со стула, чувствуя на себе оценивающий взгляд матери.

– Привет, Лили, – сказала дочь, проклиная себя за то, что всегда неловко себя чувствовала в присутствии собственной матери. – Папа звонил, чтобы поговорить со мной?

– Не совсем, – неопределенно протянула Лили. – Нужно было... Бизнес... Обсудить. Не беспокойся. – Лили поцеловала дочь в щеку, едва касаясь кожи и оставляя аромат духов от Шанель.

Ее мать всегда любила классику. Лейблы, бренды... Чем эксклюзивней, тем лучше. Она была в идеально сидящем облегающем шелковом платье и на высоких каблуках. Сад около дома может быть неухоженным, но не ее мать!

– Ты выглядишь уставшей, – заметила Лили.

Разглядывая старую майку Тины и потертые джинсы, она нашла их неуместными. Приняв чашку чаю из рук Кармелы, мать сказала: – Возможно, ты захочешь освежиться и найти более подходящую одежду, прежде чем мы появимся в обществе?

Тина нахмурилась:

– Появимся в обществе? – Чего она действительно хотела, так это душ и двенадцать часов сна. Но если мать решила посетить с ней банк, возможно, стоило на время забыть о своих проблемах. – Что ты имеешь в виду?

– Я думала, мы могли бы пройтись по магазинам. Недалеко открылось несколько прекрасных бутиков. Было бы чудесно пройтись по магазинам со взрослой дочерью.

– Шопинг? – Тина рассматривала мать с недоверием. – Ты действительно хочешь пойти по магазинам?!

– А в чем проблема?

– Чем ты планируешь расплачиваться? Воздухом?

Мать засмеялась:

– О, не говори так, Валентина. Разве мы не можем отпраздновать твое возвращение в Венецию новым нарядом или двумя?

– Я серьезно, Лили! Ты попросила меня приехать. Нет, ты потребовала, чтобы я приехала, потому что, как ты сказала, тебя хотят лишиться палаццо.

А через минуту после моего приезда ты уже хочешь пойти по магазинам? Я не понимаю...

– Валентина...

– Нет! Я оставила папу по горло в проблемах фермы, чтобы помочь тебе разобраться в твоих проблемах!

Лили посмотрела на Кармелу, ища поддержки, но экономка отошла к плите, которая неожиданно потребовала серьезной чистки. Лили повернулась к дочери, в ее голосе слышались стальные нотки:

– Ну, в таком случае...

– В таком случае, возможно, мы должны начать? – А затем, поскольку мать выглядела ошеломленной, Тина вздохнула: – Лили, может быть, как только мы во всем разберемся, останется время и для покупок. У меня есть предложение – почему бы тебе не подготовить все документы? Ты покажешь их мне, когда я приму душ и переоденусь. Может быть, все далеко не так плохо, как ты думаешь.

Прошел час. Тина в отчаянии обхватила голову, желая оказаться вновь на семейной ферме и работать по шестнадцать часов в день. Мечтала очутиться где угодно, лишь бы не здесь, где ей предстоит разгрести кошмарные счета матери.

Может, стоит проверить все документы снова, еще один раз, просто чтобы убедиться: она не просчиталась и не переоценила степень долга матери? Но Тина уже дважды все проверила. Проверила бесконечные банковские истории и кредитные отчеты. Проверила все документы – один за другим, все время заглядывая в словарь, чтобы разобраться в иностранных юридических терминах.

Ошибки быть не может. Тина потеряла глаза и вздохнула. С самого начала, еще только увидев кучу документов, которые ее мать прятала в сейф, Тина поняла: все указывало на катастрофу. И все-таки оставалась надежда: может, ей удастся привести все это безобразие в порядок? Надежда на то, что где-то среди всех этих бумаг найдется ключ к спасению матери от финансового краха.

Тина не была бухгалтером, но для работы со скудными финансами фермы ей пришлось учиться на собственном горьком опыте. И вот теперь, по мере того как денежная картина жизни матери медленно выстраивалась у нее в голове, становилось ясно: не было никакого ключа, как не было и спасения. Траты Лили в десять раз превышали то, что было заработано на небольшом предприятии, которое Эдуардо оставил ей. Видимо, Лука Барбариги с радостью обнаружил эту разницу...

Но о чем думала Лили, тратя эти деньги, в то время как уже не могла выплачивать зарплату своей прислуге?

Тина нашла несколько счетов из местного продуктового магазина, еще несколько из разных бутиков. Несмотря на то что ее мать не скупилась на собственный гардероб, Тина не обнаружила ничего такого, что могло бы загнать Лили в такие долги. Разве что...

Тина оглядела комнату, заставленную предметами декора настолько, что казалось, здесь уже нет места для воздуха. Рядом с ней на столе горела лампа, но это была не простая лампа. Она представляла собой дерево с корявым, скрученным стволом и парой десятков розовых цветов, увенчанное изогнутыми ветвями с резными зелеными листьями и одним видом розовых цветов с лампочками. И все это было сделано из стекла.

И это была лишь одна из нескольких ламп, расставленных по углам комнаты.

Были ли они новыми? Люстру Тина помнила – жуткие желтые нарциссы, отвратительные розовые пионы и еще какие-то синие цветы, которые она не могла назвать, и все это на фоне каскада из слоновой кости и стекла. Тина не смогла забыть этот ужас. Да, она вспомнила бы эту лампу в любом случае.

Кроме того, в комнате на всех мыслимых поверхностях были расставлены аквариумы. Один даже нашел место на краю рабочего стола, за которым она сидела. Тина в самом деле сначала решила, что это настоящие аквариумы с золотыми рыбками, пузырьками, кораллами, камнями и водорослями. Но спустя десять минут она заметила – золотые рыбки не двигаются. Ничего не двигалось, потому что было стеклянным!

О боже!

Тина положила голову на стол и закрыла ее руками. Не на это ли ушли все деньги?

– Ты устала, Валентина? – спросила Лили, входя в комнату. Одну за другой она брала в руки стеклянные вещи и смахивала с них несуществующие пылинки, прежде чем двигаться дальше. – Попросить Кармелу принести еще кофе или чай?

Тина села прямо и покачала головой. Никакое количество кофе не решит эту проблему. То, что она чувствовала, не было усталостью. Это было полное отчаяние. И ужасное чувство – теперь она знала, куда делись все деньги...

– Что это за счета из банка, Лили? Те, которые приходят ежемесячно? Я не могу найти чеков на соответствующие траты.

– Просто домашние расходы. То, это... Ты же знаешь, как это бывает. – Лили пожала плечами.

– Нет, мне нужно, чтобы ты рассказала мне все, как есть. Какие домашние расходы?

– Просто вещи для дома! Я имею право покупать вещи в дом, не так ли?

– Нет, если это ведет к банкротству! Куда деваются деньги, Лили? Почему нет никаких записей об этом?

– О... – Мать попыталась рассмеяться, взмахнув руками, как будто в вопросе Тины не было ничего особенного. Я не возилась с деталями. За всем следил Лука. Его двоюродный брат владеет заводом...

– Каким заводом? Стекольным? Это туда утекали все твои деньги? Ты тратишь все на стекло?

– Все не так!

– Нет?

– Нет! Потому что он предоставляет мне двадцать процентов скидки, так что я не плачу полную цену. Я экономлю.

– Таким образом, каждый раз, когда ты получала очередные деньги от Луки Барбариги, ты тратила их в магазине на стекольном заводе его двоюродного брата?

Ее мать пожала плечами:

– Он посылает за мной водное такси и сам оплачивает проезд. Мне это ничего не стоит!

– Нет, Лили, – сказала Тина, решительно отодвигая стул, чтобы встать. Она не видела смысла задавать еще вопросы. Все и так было ясно. – Это стоило тебе всего! Я просто не верю,

как ты можешь быть такой эгоисткой! Кармела работает за гроши. А сейчас, когда ты платить ей и вовсе не можешь, все равно захламляешь это рушащееся палаццо массой бесполезного стекла. Удивительно, что дом не рухнул в канал под тяжестью твоих стеклянных сокровищ!

– Кармела получает свою зарплату!

– В то время как ты влезаешь все глубже и глубже в долги! Что будет с ней, как ты думаешь, когда Лука Барбариго выкинет вас обоих на улицу? Кто будет заботиться о ней тогда?

Ее мать заморгала, плотно сжала губы, и на мгновение Тина подумала: наконец-то Лили выглядит уязвимой.

– Ты не позволишь этому случиться, так? – кротко спросила Лили. – Ты с ним поговоришь?

– Да, я с ним поговорю. Но я не понимаю, почему мой разговор должен поменять ситуацию. Раз Лука тебя так крепко связал финансово, почему он должен простить тебе все долги?

– Потому что он племянник Эдуардо.

– И что?

– А Эдуардо любил меня.

«Скорее потакал тебе», – думала Тина, проклиная бессмысленную человеческую гордыню Эдуардо за позволение жене думать, будто его состояние неисчерпаемо.

– Кроме того, – ее мать продолжала, – ты заставишь его увидеть реальность. Лука тебя слушает.

– Сомневаюсь.

– Но вы были друзьями...

– Мы никогда не были друзьями! И если бы ты знала, что он говорил о тебе, ты бы поняла: он никогда не был и твоим другом.

– А что он говорил? Скажи мне!

Тина покачала головой. Она и так сказала слишком много. Ей не хотелось вспоминать те ужасные вещи, которые Лука говорил ей, пока она не дала ему пощечину.

Тина взяла свою куртку со спинки стула:

– Очень жаль, Лили. Мне нужно подышать свежим воздухом.

– Валентина!

Тина покинула этот музей стекла, все еще слыша голос матери в ушах.

Она спустилась по мраморным ступеням, не имея представления, куда идет, просто понимая, что должна уйти хоть куда-нибудь. Куда-нибудь подальше от ламп, которые выглядели как деревья, и застывших в стекле золотых рыбок, и кучи люстр, которые грозились разрушить здание своим весом. Она бежала от невероятной наивности своей матери и ее пагубного неумения читать условия соглашений, от беспечного игнорирования их. Но самое главное – Тина спасалась от своего страха, что не сможет разобраться в проблемах своей матери и вернуться домой через три дня.

Ее мать тонет в долгах, а древнее палаццо грозит рухнуть в канал и утонуть под тяжестью тонны дорогого, но бесполезного стекла...

Эта поездка оказалась пустой тратой времени и денег.

Тина повернула налево за ворота и направилась вниз по узкой улице в сторону канала и остановки водного трамвайчика, который отвезет ее куда-нибудь, где не было ее матери. На следующем углу она опять повернула налево, слишком внезапно, чтобы увидеть того, кто шел навстречу. Чьи-то большие руки оказались на ее плечах, и Тине пришлось остановиться, так как она уткнулась головой в мощную грудь.

Лука...

Глава 4

Глаза Луки были скрыты за темными очками, но все равно Тина поймала его взгляд и поняла: он узнал ее.

– Валентина? – сказал он голосом, дарованным ему богами. – Неужели это ты?

Она безрезультатно боролась против его власти. Лука был слишком близко, так близко, что даже воздух, казалось, пропитался запахом этого стопроцентного мужчины. Чувствовалась легкая нотка «Булгари», аромата, который заставлял Тину приблизиться к нему, хотя она изо всех сил старалась держаться на расстоянии. Аромат, который был ключом к воспоминаниям, которые она хотела бы забыть...

И Тина проклинала сочетание его бархатного голоса и аромата, проклинала то, что она вспомнила все слишком детально, и то, что он выглядел так же хорошо, как и раньше: не набрал килограммов двадцать и не облысел.

Вместо этого он был так же красив, как в их прошлую встречу: льняной пиджак поверх белой рубашки, которая сидела будто вторая кожа на его мускулистой груди, бежевые льняные брюки и широкий кожаный ремень на бедрах. И вдруг Тина почувствовала неравенство между ними. Она была с мокрыми после душа волосами, одетая в старые джинсы и зеленую кофту из супермаркета. Такой наряд сошел бы для фермы или даже ее маленького города в Австралии, но в данной ситуации все это выглядело жалко и дешево.

– Конечно, это ты. Мои извинения, я не сразу узнал тебя в этой одежде.

И бархатный голос превратился в наждачную бумагу, вернувшую Тину в реальность.

– Лука. – Она решила, что ледяной тон лучше подчеркнет ее решимость, в противовес его самодовольству. – Рада снова тебя видеть, но сейчас я хочу, чтобы ты оставил меня в покое.

Его улыбка стала только шире, но он отпустил Тину, хотя его руки задержались на ее плечах чуть дольше, чем это требовалось.

– Куда ж ты так торопишься? Насколько я понял, ты только что приехала.

Не было смысла удивляться и спрашивать, как он узнал. Ее мать звонила кому-то, когда Тина приехала. Первым был отец, как сказала мать, а вторым, видимо, Лука Барбариго, готовый выдать ей очередной кредит для покупки тонны нового стекла.

При всех протестах матери против недобросовестных действий с его стороны она нуждалась в Луке как в поставщике, как наркоман нуждается в дилере.

Тина не хотела тратить время на реверансы.

– Тебя это не касается!

– Но я скучал по тебе. Я пришел, чтобы засвидетельствовать свое почтение.

– Зачем? Тебе хочется позлорадствовать насчет жалких навыков моей матери распоряжаться деньгами? Не беспокойся, я знала о них всегда. Едва ли это новость. Жаль, что ты зря потратил время, потому что я вернусь в Австралию первым же рейсом. А теперь разреши мне пройти. – Она старалась обойти его, но это было нелегко. Казалось, Лука занимал всю улицу. Он сдвинулся вправо, преграждая ей путь:

– Ты улетаешь из Венеции так скоро?

– А для чего оставаться? Для отдыха? Я уверена, вы не так наивны, как моя мать, синьор Барбариго. Я ничего не могу сделать, чтобы спасти ее от банкротства. Ты слишком крепко связал ее.

Его глаза блеснули в тонких лучах заходящего солнца, и Тина не сомневалась: эти искорки были в его глазах, а не в лучах, отраженных от очков.

– Почему так воинственно, Валентина? Мы ведь можем поговорить как разумные люди.

– Ну, быть разумным, синьор Барбариго, требуется только от вас. Я давно тебя знаю и уже проверила все счета матери. Ты невероятно разумный человек!

– Может, ты и права, Валентина. Но это не мешает твоей матери считать, что именно ты спасешь ее от банкротства. – Лука громко рассмеялся.

– Тогда у нее еще меньше мозгов, чем я думала. А у тебя нет намерений оставить ее в покое, не так ли? Ты не успокоишься, пока не заберешь палаццо!

Головы праздных туристов повернулись в их сторону, иностранцы следили за ними, желая увидеть настоящую местную ссору, что украсила бы их венецианское путешествие.

– Пожалуйста, Валентина, – сказал Лука, подтолкнув Тину к стене и прижавшись к ней своим телом, будто они были любовниками. – Неужели ты хочешь обсуждать финансовые дела твоей матери на улице, развлекая туристов? Что они подумают о нас, венецианцах? Что мы недостаточно цивилизованные люди, чтобы обсуждать такие вещи без посторонних?

Опять он оказался слишком близко. Тина чувствовала его теплое дыхание на своем лице. Лука был рядом, и она не могла игнорировать его запах, не чувствовать тепло, исходящее от мужского тела. Тина уже была не в состоянии мыслить рационально, а не только опровергать очевидное.

– Я не венецианка.

– Да. Ты из Австралии, и ты очень откровенна. Меня это восхищает. Но этот разговор стоит продолжить где-нибудь в другом месте и без посторонних. – Он указал в направлении, откуда она пришла. – Пожалуйста. Нам стоит обсудить все в доме твоей матери. Или, если хочешь, мы можем пойти ко мне. Уверяю, это всего в нескольких минутах ходьбы.

И встретиться с врагом на его же территории? Ни в коем случае!

– Ну хорошо, вернемся в палаццо. Но только потому, что я хочу объясниться с тобой, а потом уеду.

– Я не могу дождаться, – услышала она, а потом Лука пробормотал что-то по-итальянски.

Тина развернулась и направилась в обратном направлении.

Кармела встретила их в дверях палаццо, улыбаясь и как-то неуверенно переводя взгляд с одного на другого. Тут Лука улыбнулся и включил очарование, заговорил с ней на родном языке. Тина могла бы поклясться, что старая женщина покраснела. В этот момент она возненавидела Луку еще больше.

– Ваша мать в спальне, – сказала Кармела, извиняясь за ее отсутствие. – Она сказала, у нее болит голова.

Лука посмотрел на Тину, но та проигнорировала его. Кармела отвела их наверх в приемную, пообещав принести кофе и прохладительные напитки. Это была огромная комната с высокими потолками и пастельного цвета декоративной плиткой на стенах. Комната должна была быть просторной и светлой, но казалась тесной из-за бесчисленных шкафов и столов, заваленных стеклянными украшениями, статуэтками, хрустальными бокалами, лампами разной формы, стеклом, отражающим рубиново-красный закат.

«Даже красиво, – усмехнулась про себя Тина, – такой сверкающий иллюзорный мир из стекла, если не вспоминать о стоимости всего этого».

– Ты похудела, Валентина, – раздался голос сзади. – Ты слишком много работаешь.

Она обернулась:

– Все мы изменились, Лука. Все мы стали на несколько лет старше. Надеюсь, немного мудрее. Я, например, стала.

Он улыбнулся и взял коллекционное пресс-папье, что светилось красным, со стола, положил его на ладонь.

– Некоторые вещи, я вижу, не изменились. Ты по-прежнему прекрасна, Валентина. – Лука улыбался и осматривал одно стекло, держа его в руке, прежде чем взять следующее, медленно прокладывая путь по загроможденной комнате, останавливаясь иногда, чтобы рассмотреть то крошечное животное из хрусталя, то позолоченную статуэтку из стекла, не обращая на

Тину никакого внимания. – Может быть, ты стала немного более колючей. Возможно, более энергичной. Более страстной... – На этом слове он словно споткнулся и задумался.

Тина сглотнула, борясь с нахлынувшим прошлым и всплеском тепла внизу живота.

– Я не хочу это слышать, – сказала она и отвернулась, а он продолжал кружить по комнате, держа в руке и поглаживая стеклянного мальчика с фонарем, как будто золотистая кожа этого ребенка была настоящей, а не просто очередной глупостью ее матери. – Я знаю, что ты делаешь.

Он наклонил голову:

– И что же конкретно я делаю?

– Я просмотрела все счета Лили. Ты продолжаешь давать ей деньги. Деньги, которые она тратит вот на это. – Тина обвела рукой комнату. – На продукцию стекольного завода твоего брата в Мурано.

Лука пожал плечами:

– Что я могу сказать? Я банкир. Занимать деньги – всегда риск. И я не отвечаю за то, как люди тратят полученный кредит.

– Но ты же знаешь, у Лили нет дохода, с которого она могла бы вернуть эти деньги, и все равно даешь ей их.

Лука улыбнулся и поднял указательный палец:

– Но доход – не единственное, что принимают в расчет банкиры при оценке кредитного риска. Ты забываешь – твоя мать, как мы это называем, владеет исключительным активом.

Тина фыркнула:

– Ты бы посмотрел на ее активы! – Слова сорвались у нее с языка прежде, чем она успела подумать, и теперь висели в воздухе, как кристаллы на люстре, тяжелые и крупные.

Лука вопросительно приподнял бровь:

– Я говорил о палатце.

– Я тоже, – быстро ответила Тина. – Не знаю, о чем ты подумал.

Он рассмеялся, пробежал кончиками пальцев по краю стеклянной рифленой чаши, стоящей на каминной полке, и продолжил дальше обходить комнату.

Такие длинные пальцы, это невозможно было не заметить, такие легкие прикосновения... Прикосновения, которые она помнила на своей коже. Прикосновения, которые Тина часто представляла, когда не могла уснуть и чувствовала болезненное одиночество...

– Твоя мама очень красивая женщина, Валентина. Тебя не раздражает, что я говорю это?

Тина заморгала, пытаясь ухватить нить разговора, и подняла голову, когда он подошел ближе.

– А должно раздражать?

– Я не знаю. Ты не думаешь, что я мог бы переспать с Лили? Может быть, я уже спал с ней? – Лука остановился перед Тиной и улыбнулся: – Это тебя беспокоит?

– Даже знать не хочу! Мне все равно! Меня не касается, с кем ты спишь.

– Конечно не касается. И, конечно, Лили очень красивая женщина. Хотя по сравнению с тобой...

Лука коснулся пальцами ее лба, погладил непослушные пряди волос. Тина ахнула, дрожа от прикосновений и думая: она должна остановить его, должна отойти. Но Лука сам отошел от нее, опустив руку. Тина заморгала, немного ошеломленная, чувствуя, как будто уступила ему.

– Ты сказал маме, что мы старые друзья.

Он пожал плечами и сел в кресло из красного бархата.

– А разве нет?

– Мы никогда не были друзьями!

– Ну же, Валентина... – Лука произнес ее имя так, будто снова погладил бархатной перчаткой. – Конечно, учитывая то, что между нами было...

– У нас нет ничего общего! Мы провели одну ночь вместе, одну ночь, о которой я жалею до сих пор. И не только из-за того, что ты сказал, когда мы расставались.

– Я не помню, чтобы эта ночь была такой неприятной.

– Возможно, ты вспомнил другую ночь? С другой женщиной? Уверена, их было много, так много, что тебе легко запутаться в воспоминаниях. Но я не сбита с толку. Ты не мой друг. Ты вообще мне никто. Никогда не был кем-то для меня и никогда не будешь.

Вот сейчас Лука уйдет. Поймет, что между ними больше ничего нет, и уйдет. Но он лишь подтянул длинные ноги и удобнее уселся в кресле.

– Когда твоя мать впервые пришла ко мне за кредитом, – сказал он голосом, который заставил ее обратить внимание на каждый слог, – я собирался ей отказать. У меня не было никакого намерения давать Лили деньги.

Тина ничего не сказала. Она чувствовала: не было никакого смысла спрашивать, почему он изменил свое решение. Лука все равно ей скажет, даже если она не захочет знать.

– Я схожу посмотрю, как там кофе, – сказала Тина, делая шаг к лестнице.

– Нет, – ответил Лука, преградив ей выход в одно движение, и заставил ее удивиться, как такой большой мужчина мог двигаться так грациозно. – Кофе подождет, пока я не закончу. Пока ты не дослушаешь.

* * *

Тина посмотрела на него. Черты его лица были так красивы и так жестки одновременно... И только через минуту до нее дошло – Лука изучает ее так же внимательно, как и она его.

– У меня не было желания одалживать эти деньги твоей матери, – продолжил Лука. – Но потом я вспомнил одну длинную ночь в номере с камином, с коврами на полу и перьевым одеялом, согревающим широкую кровать. Вспомнил девушку с кожей цвета сливок, с янтарными глазами и золотыми волосами, которая оставила меня слишком быстро, весьма рассерженная.

Тина уже не сдерживалась:

– Ты даешь маме денег, чтобы отомстить мне? Потому что я ударила тебя? В таком случае ты в самом деле сошел с ума!

– Ты права. Но не совсем. В кредитовании твоей матери я увидел возможность вернуть дом Эдуардо, прежде чем он рухнул бы в канал. Я был должен сделать это для Эдуардо, несмотря на то что не хотел иметь ничего общего с его женой. Но это была не единственная причина. Я также хотел дать тебе второй шанс.

– Шанс ударить тебя снова? Звучит так заманчиво... – Сейчас Тина с удовольствием ударила бы что-нибудь. Почему бы не его самодовольное лицо?

Он рассмеялся:

– Некоторые говорят: жизнь банкира скучна. Дни заполнены бесконечными встречами и разговорами о корпоративных финансах и о процентной марже. Но это не обязательно так. Иногда жизнь банкира может приносить пользу.

– Слушай, меня не волнует, как ты коротаешь часы, я действительно не хочу знать! Перестань мне это рассказывать!

– Тогда ты более эгоистична, чем я думал. – Голос Луки стал серьезным. – У твоей матери огромные финансовые проблемы. Она может потерять палаццо. Вернее, она потеряет палаццо. Тебе все равно, что твоя мать может стать бездомной?

– Это будет на твоей совести, а не на моей. Не я угрожаю выгнать ее.

– И все же ее еще можно спасти.

– Как? У меня нет тех сумм, которые мама должна тебе.

– Кто сказал, что мне нужны от тебя деньги?

В его голосе звучала пугающая нотка, заставившая задуматься, какую именно валюту он имеет в виду. Но нет, он же не...

– У меня нет ничего, что могло бы заинтересовать банкира и убедить его простить долг.

– Ты недооцениваешь себя. У тебя есть то, что может поспособствовать одному итальянскому банкиру списать долг твоей матери. Послушай, что я предлагаю. Я не зверь, что бы ты обо мне ни думала. Я не хочу, чтобы твоя мать страдала от унижения, будучи выгнанной из ее дома. На самом деле у меня есть квартира с видом на Гранд-канал, она готова и ждет, когда твоя мать туда переедет. Лили будет свободно ею владеть и получать ежемесячные выплаты. Единственная, кто стоит на пути, это ты. – И Лука улыбнулся, вновь напомнив ей хищника.

Волоски на ее коже встали дыбом, и она покрылась мурашками. Лука был очень красивым мужчиной. Всегда был. Но Тина знала этого человека, знала, на что он способен. И ее чувство самосохранения обострилось.

– Ты собираешься сказать мне, что я должна сделать для счастья моей матери?

– Тебе понравится, вот увидишь. Я просто хочу, чтобы ты разделила со мной постель.

Тина заморгала, ожидая: вот-вот она проснется. Но это был не сон.

– Так все просто? – усмехнулась Тина. – Ты оставишь в покое мою мать, подаришь ей квартиру, и она будет там жить на твое пособие? И все, что нужно для этого, – мне переспать с тобой?

– Я же говорил, все очень просто.

За кого Лука ее принимает? Продаться ему, как какая-то шлюха, чтобы спасти мать?

– Спасибо, что посетили нас, синьор Барбариго. Я уверена, не стоит беспокоить Кармелу, ты сам сможешь найти выход. Я верю в твою сообразительность.

– Валентина, ты понимаешь, от чего отказываешься?

– От рая, судя по твоим словам. Но мы не на рынке, и я не ищу рая. Точнее, я не готова искать его у тебя в кровати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.